

**Серафим Святогорец**

**Письма Святогорца к друзьям своим о  
Святой горе Афонской**

**Часть 1-2**

УДК 93  
ББК 63.3  
С32

С32 **Серафим Святогорец**  
Письма Святогорца к друзьям своим о Святой горе Афонской: Часть 1-2 / Серафим Святогорец – М.: Книга по Требованию, 2021. – 544 с.

**ISBN 978-5-518-09441-3**

**ISBN 978-5-518-09441-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ПИСЬМО 1. (\*)

Вотъ здѣсь уже Россіи гравь;  
А тамъ, за чуждыми морями,  
Подъ жаркимъ небомъ южныхъ странъ,  
Я буду жить, друзья, не съ вами;  
И вотъ вамъ дружеская дань,  
Въ часы томительной разлуки,  
Мои тоскующіе звуки. . .

Севастополецъ.

30-го Сентября, въ три часа по полудни, мы оставили Одессу и, въ сопровожденіи добрыхъ друзей нашихъ, вступили въ карантинъ. Здѣсь при взаимности прощальныхъ объятій, при грустныхъ словахъ: «прости, до свиданія!» мы еще дышали нѣсколько времени роднымъ Русскимъ воздухомъ, но около половины 5 часа, распахнулась передъ нами дверь, выводившая за черту Россіи, къ пристани, и открыла намъ исходъ изъ милой отчизны въ далекую чужбину. . . Боже мой! какъ тяжело и какъ томно забилось мое сердце, когда я, тоскующимъ взоромъ,

---

(\*) Нѣкоторые изъ писемъ Светогорца были помѣщены въ Маякѣ за 1845 г.

оглянулъ неизмѣримую даль заграничнаго — Черпаго моря! . . . Впрочемъ, разъ дѣтски вѣрившись небесному Промыслу, молча и спокойно спустились мы на подкатившіяся за нами съ парохода шлюпки, и чрезъ нѣсколько минутъ уже любовались на шумную, восхитительную Одессу и на ея живописное побережье, усыпанное народомъ, провожавшимъ отходящій за границу могучій пароходъ. Сердце мое билось покойнѣе, утѣшаясь оладками надеждами будущаго — видѣть святую Гору Аѳонскую и Палестину, куда отъ дѣтства стремилась мысль моя всею силою желанія — лобзать искупительныя святыни земли Богошественной и далекаго Аѳона. . . . Какъ бы, Впрочемъ, ни было свѣтло для сердца будущее, а разстаться съ Россією, со своею многою отчизною, съ друзьями и со всѣмъ, что привязываетъ къ жизни, — это свицомъ давило, по временамъ, сѣгующую мысль мою, такъ что я вполнѣ здѣсь могъ понимать то святое чувство любви къ Россіи, чувство родственное и неизъяснимое, одушевляясь которымъ, Русскіе всегда были Русскими, то есть выше всѣхъ политическихъ переворотовъ Европы и опередили, далеко оставили за собою народы, не понимающіе ни радости о Царѣ своемъ, ни величія и славы сыновней преданности и вѣрноподданнической любви къ Самодержавной Власти. . . . Да; если мила Россія Русскому, такъ она во сто разъ милѣе для него въ минуты грустнаго съ нею разстанія. . . . Это повѣрилъ я здѣсь опытомъ.

Около полудня, если не болѣе, всѣ на пароходѣ были въ движеніи и въ снугѣ, и только онъ одинъ неподвижно стоялъ и гордо возвышался надъ волнами съ своимъ золотымъ эпитафиемъ: «Одесса», въ виду Одессы. Но въ половинѣ 6 часа, по знаку Капитана, онъ тронулся, и какъ птица полетѣлъ въ открытое море, окрыляясь парами и разстилая за собою волнующіяся облака дыму. Дол-

го, долго и съ тоскующимъ сердцемъ глядѣли мы на Одессу, утопавшую въ полусвѣтѣ вечерней зари; долго любовались мы на убѣгавшій отъ насъ родственнѣйшій край; но скоро исчезла даль въ разлившемся сумракѣ, и едва замѣтною чертою обрисовывались уже предъ нами далекіе берега Тавреды. Было уже темно; только маякъ Одесской Фонтанки горѣлъ отдаленною, замирающею звѣздочкою и заронялъ въ сердце невъяснимую тоску и боязненные мысли. Такъ для каждого изъ насъ темна даль жизни, даль не разгаданная, думалъ я, смотря на мрачное пространство, отдѣлявшее насъ отъ свѣтлаго маяка; но и въ нашей жизненной дали горитъ для каждого своя плѣнительная звѣзда счастья и сомнительныхъ вѣдеждъ, часто обманчивыхъ и также слабыхъ, какъ этотъ прощальный и замирающій огонѣкъ далекой Фонтанки. . . .

Наступала ночь. Пассажиры мирно отдыхали подъ открытымъ небомъ; я и Игнатій расположились въ сосѣдствѣ со Слѣпцомъ, съ тѣмъ Слѣпцомъ, который, помните, проходилъ мимо насъ нынѣшняго 1843 г., великимъ Постомъ. Давень этотъ Слѣпецъ Григорій, съ которымъ, послѣ встрѣчи въ Ваткѣ, я встрѣтился нечаянно въ Одессѣ, а съ тѣхъ поръ мы не разлучны; онъ общается мнѣ передать, со временемъ, подробности своей жизни, свое одинокое путешествіе по Св. мѣстамъ Русскимъ, и я, при случаѣ, сообщу вамъ его живые рассказы и замѣчательные опыты его терпѣнія и рѣшимости. Послѣ неоднократныхъ странствій по Сѣверу, по всѣмъ почти извѣстнымъ Святѣйшимъ мѣстамъ Россіи, онъ наконецъ рѣшился одинъ-себѣ странствовать за границу и поклониться Гробу Господню. Есть люди, которые, смотря на его жалкое положеніе, на слѣпоту, съ изумленіемъ спрашиваютъ: «да что его влечетъ къ Святой Землѣ? Пусть бы что видѣлъ, а то что за удовольствіе и что за необходимость въ такомъ путешествіи?...»

На эти возраженія по моему дѣлу отвѣчать. Если бы спросить объ этомъ самого Слѣща, онъ бы, вѣрно, нашелся въ отвѣтахъ, потому что языкъ его живъ, воображеніе, отъ первыхъ впечатлѣній природы, когда онъ былъ еще съ глазами (онъ ослѣлъ на 10 году), чрезвычайно пылко, память самая счастливая, такъ что онъ для меня болѣе кажется удивительнымъ, чѣмъ жалкимъ. Характеръ его настроенъ въ духѣ сиромности; но, по врожденному чувству своего человѣческаго благородства, развитому въ немъ горькими опытами и искусами пылкой юности, часто онъ бываетъ для меня и забавенъ и важенъ; временемъ онъ безпеченъ и веселъ какъ дитя, а иногда угрюмъ и тяжелъ, какъ сентябрь, по пословицѣ. Главная цѣль его путешествія — слава Божія, по его собственнымъ словамъ. «Я ничего не вижу, — говоритъ онъ иногда, на возраженія людей, — но ужели не въ силахъ чувствовать или принимать внутреннія впечатлѣнія тѣхъ событій, которыми полна Палестина? Можетъ быть, тѣ, которые видятъ, менѣе меня способны, при разсѣяннѣ, чувствовать важность путешествія по Св. Землѣ, потому особенно, что ихъ занимаетъ болѣе внѣшность, тогда какъ я вижу дука вѣры и внутреннихъ наслажденій моего странствія. Очень могло бы статься, что, если бы я былъ съ глазами, я поражался бы только видами природы, а по тому, при очарованіяхъ зрѣнія, сердце оставалось бы пусто и съ неясными только отголосками, съ едва долетающими до него звуками райскаго утѣшенія; между тѣмъ какъ я, лобызая Св. мѣста и не развлекаясь внѣшними предметами, весь и вполне погружаюсь въ созерцаніе свершившихся на нихъ событій; ихъ впечатлѣнія бываютъ чрезвычайно сильны, мысль свѣтла, а потому и чувство наслажденія — неизъяснимо высокое. . . . » Но оставимъ пока Слѣща.

Быстро неслись мы по играющим волнамъ Чернаго моря до половины слѣдующаго дня; но къ вечеру море разбушевалось и насъ начало перекидывать съ волны на волну, такъ что на пароходѣ была чувствительная качка. Часу около 5 вечера, 1-го октября, пробѣжали мы въ виду Варны, а съ разсвѣтомъ 2-го октября открылась передъ нами Цареградская даль в туманнѣйшійся ея берегъ. Въ 7 часовъ утра мы летѣли уже Константинопольскимъ проливомъ и, легко лавируя во множествѣ мѣлкихъ чалмоносныхъ ланковъ, вступали уже въ Золотой Рогъ, какъ вдругъ—турецкое судно. . . оно несло на всѣхъ парусахъ и хотѣло, перерѣзавши путь нашей «Одессы», пронестись поперекъ залива, но вышло не такъ: пароходъ не въ силахъ былъ остановить свой летучій бѣгъ, ни увернуться въ сторону, а судно не сдавало съ упорными вѣтрилами, и Русскій пароходъ ударился съ чалмоноснымъ судномъ! . . . Слѣдствіемъ этого страннаго столкновенія было то, что судно треснуло и исковеркалось; но пароходъ, выдержавши сильный натискъ его, спокойно подошелъ къ своему мѣсту и остановился на якорѣ. Мы стали рядомъ съ Русскимъ же пароходомъ—«Крымъ»; а между тѣмъ бѣдному турецкому судну были посланы въ помощь наши матросы. . . . Передъ этою встрѣчею, большая часть изъ насъ, любясь на Константинополь, раскинутый ландшафтомъ, были на палубѣ; самый Слѣпецъ тѣснился у борта, вдыхая въ себя живительный воздухъ, ароматно дышавшій на насъ съ живописныхъ береговъ Босфора. Въ числѣ другихъ и я, облокотившись на бортъ, съ наслажденіемъ смотрѣлъ на южныя красоты природы, и свѣтлой мыслию переносился къ минувшимъ событіямъ и къ славѣ жалкаго Константинополя, который раскрывался передо мною въ очаровательныхъ видахъ своихъ, съ его Султанскими дворцами и садами, съ многочисленными мечетями и тощими при нихъ минаретами.

Я очнулся уже тогда отъ моей думы, какъ одинъ магометанинъ, крича на своемъ суднѣ изъ всей мочи, по видимому, что-то говорилъ намъ. . . . Вдругъ всѣ въ ужасѣ отскочили отъ борта, и судно ударилось объ нашъ пароходъ; мачты его треснули и съ грохотомъ разлетѣлись по нашей палубѣ, а носъ приплюснулся. . . . Таковъ былъ приходъ нашъ къ блистательной Портѣ! Черезъ часъ мы были уже въ келіяхъ гостепріимнаго старца Греко-Русскаго, а теперь живемъ при Русской канцеляріи; съ нами вмѣстѣ и слѣпецъ Григорій, который меня удивляетъ и вмѣстѣ веселитъ смѣлыми выходками на далекой чужбинѣ. . . . Но до слѣдующаго письма. Сего дня утромъ Игнатій со слѣпцомъ пошелъ разыскивать дорогу ко Влахернскому храму и въ Базаклію или къ живоносному Источнику, чтобъ однимъ въ послѣдствіи странствовать туда; а я остаюсь въ городѣ—развѣдать объ отходящемъ въ Солунь пароходѣ и написать къ вамъ настоящее письмо. Если удосужусь и будетъ возможность, то, въ слѣдъ за этимъ письмомъ, я передамъ вамъ кое-что о Константинополѣ. Прощайте.

1843 г.

5 октября.

Константинополь.

— — —

## ПИСЬМО 2.

О, сколько думъ и чувствъ печали  
 Константинополь намъ даритъ,  
 И какъ о днѣхъ минувшей даи  
 Онъ горько сердцу говоритъ!  
 Онъ видѣлъ много лѣтъ и славы,  
 Величья царственнаго, смуть,  
 И бѣдъ развѣчанной державы,  
 И ждетъ теперь ужъ тѣхъ минутъ,  
 Когда пророческія рѣчи  
 Его преданій наконецъ  
 Рѣшить судьба, въ кровавой сѣчи  
 За жизнь его и за вѣнецъ!...

*Селенгеръ.*

Я обѣщался вамъ, въ прошедшемъ письмѣ, передать кое-что о Константинополѣ, друзья мои, но чтожь скажу вамъ о немъ?

Исторія Константинополя, въ своемъ родѣ, также почти занимательна, какъ исторія и Іерусалима: потому что и надъ нимъ пронеслись вѣки его славы и могущества, вѣки царственныхъ смуть и потрясеній и народныхъ мятежей, и наконецъ четыре слишкомъ вѣка его рабства блестящей Портѣ . . . . Самая будущность и судьбы Константинополя, какъ и Іерусалима, и свѣтлы и загадочны; непроницаемая завѣса будущаго, какъ великая тайна, какъ печать небесныхъ Судебъ, лежитъ надъ нимъ до исполненія Божественныхъ о немъ предначертаній, до того, конечно, времени, когда скончаются языки, и Востокъ воскликнетъ: «*аванни!*»—грядущему во имя Господис, своему избавителю, своему таинственному Константину, какъ говорятъ здѣшнія преданія. Не буду вамъ говорить о Константинополѣ въ историческомъ отношеніи; потому что

могу навести скуку на ваше сердце, ежели буду повторять то, что уже говорено и переговорено лучшими меня путешественниками, а только замѣчу мимоходомъ, что ежели смотрѣть на Константинополь изъ-дала, не вступая въ него: это восхитительная, чудесная картина!

Константинополь разсыпанъ на возвышенныхъ холмахъ и раздѣленъ проливомъ на двѣ главныя части: на Европейскую и Азіатскую. Европейская часть можетъ назваться всемірнымъ портомъ, гдѣ можно видѣть представителей всѣхъ частей свѣта, въ нихъ національности, и гдѣ Золотой Рогъ даритъ всѣхъ и cadaго сокровищами цѣлаго міра. Дворцы Султана и Дипломатическій Корпусъ въ Европейской же части. Дворецъ нашего Посольства можетъ, по справедливости, назваться украшеніемъ этой Столицы. Азіатская часть Константинополя исключительно принадлежитъ Туркамъ.

Среди пролива, отдѣляющаго одну часть Константинополя отъ другой, встаетъ изъ воды небольшой каменный памятникъ, въ родѣ часовни или маяка. О его значеніи говорили мнѣ неодинаково. Одни баснословать, будто бы дочка какого-то Султана была къ кому-то расположена; но, не имѣя возможности соединиться навсегда съ обожаемымъ куміромъ узлами законнаго брака, въ отчаяніи бросилась въ море; и на томъ мѣстѣ, гдѣ найдено было тѣло этой утопленницы, сѣтующій отецъ воздвигъ памятникъ, среди бурной стихіи, котораго самыя могучія волны не въ силахъ сокрушить и сбить съ его смѣлой основы. Другіе между тѣмъ рассказываютъ, что дочери какого-то тоже Царя или Султана, при самомъ ея рожденіи, было предсказано гадателями, что она въ дѣвствѣ кончитъ жизнь отъ укушенія змѣи . . . Царевна выросла и оказалась единственною красавицею Востока, такъ что отцу жалъ и больно было видѣть ее жертвою эхидны. Чтобъ обезсилить про-

рищаніе , отецъ выстроилъ для своей красавицы-дочери, среди пролива , теремокъ (\*), въ полной уѣбрениости , что туда не проберется змѣя. Долго ли , коротко ли , жила здѣсь Царевна, только разъ мамка ея, бывши въ городѣ и уѣзжая оттуда, взяла съ базара кой-какихъ ягодъ и фруктовъ для своей дѣвственной питомицы. . . . Съ ребяческой радостью Царевна схватила корзинку съ гостинцами отъ своей мамки-старушки, съ наслажденіемъ перебирала фрукты, откидывая листочки ихъ тонкихъ вѣтокъ; только вдругъ она крикнула и поблѣднѣла какъ полотно. . . . Мамка ахнула, бросилась къ своей питомицѣ, но уже поздно. . . . Царевна лежала безъ чувствъ и вскорѣ испустила послѣдній вздохъ, отъ разлившагося въ ея крови яда змѣи, которая, какими-то судьбами, закралась въ корзинку и смертно укусила несчастную затворницу.

Справедливъ ли тотъ или другой рассказъ, не знаю и не отдаю отчета : что слышалъ , то и передаю , и правда ли слышанное , или восточный вымыселъ , — мнѣ нѣтъ нужды. . . .

Но, любясь на Константинополь съ пролива, ступите на берегъ и пройдите нѣсколько шаговъ , — ваше сердце не выдержитъ впечатлѣній самыхъ грустныхъ и непріятныхъ. . . . Улицы вообще узки, кривы, небрежно выстланы дикимъ камнемъ и засорены, до безконечности, всякою нечистотою. Толкотня народа, особенно на душиныхъ базарахъ, чрезвычайная : здѣсь вы увидите всякаго рода, званія и состоянія людей; полюбуетесь красивою наружностью и отличнымъ щегольствомъ Европейцевъ , частію и Грековъ, и невольно поразитесь засмоленнымъ Негромъ, съ его блестящимъ взоромъ и съ его чистыми и бѣлыми, какъ свѣтъ, зубами, составляющими разительную противополож-

---

(\*) Это, просто—нашъ или «онаръ». «Самолорци».

вость его черной кожей. Вообще, въ отношеніи правствен-  
номъ, Константинополь жалобъ. Тамъ, гдѣ въ свое время  
высились храмы Божественные, осѣняемые святымъ кре-  
стомъ, теперь видѣются скромныя развалины, или тѣ же  
храмы, но обращенные въ чтлища изуверства, подъ блѣд-  
нымъ полукружіемъ исламической луны. Высокіе и тощіе  
минареты окружаютъ эти жалкія мечети, и тамъ, гдѣ гре-  
мѣли достойныя хвалы Богу Истинному, теперь томо и  
протяжно алакаетъ сторожевой безапъ, сзывая поклон-  
никовъ кораиа къ молятвѣ и къ заветному омовенію тѣла...  
Среди безобразныхъ зданій единственной столицы, плѣв-  
ная и сѣгущая *Софія* вѣнчаетъ собою памятники святой  
старины... Чье сердце не обольется кровью при обзорѣ-  
ніи Константинополя, и при свѣтлой и живой памяти исто-  
рическихъ событій и царствпаго величія его глубокой  
древности?...

Дворецъ Султана не допустевъ для гяура. Говорятъ,  
что въ его сокровенныхъ тайникахъ есть плѣвницы со  
всѣхъ краевъ свѣта... Какъ, подумаешь, глупъ кораиъ  
великаго пророка!... Нечего говорить о томъ, въ какомъ  
томленіи, въ какомъ убійственномъ заточевіи, безвременно  
вянутъ жертвы грубаго обольщенія страстей, въ угодность  
одного человѣка; не надобно и удивляться, если не мало,  
какъ говорятъ, возникаетъ тамъ мятежей между жалкими  
жертвами разврата и взаимной ревности!... Да не возлаго-  
луютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ! Полагаютъ, что во  
дворцѣ, или при Софійской мечети, есть прекрасная биб-  
ліотека, и даже рѣдкая, захваченная Турками при взятіи  
Константинополя; но она не доступна для Европейцевъ; а  
сами Турки, не имѣя ни вкуса, ни образованія, не могутъ  
ею пользоваться.

Православныхъ церквей въ Константинополь не много,  
а если и есть, то въ родѣ домовыхъ, безъ куполовъ и безъ